

Об авторе. 60 лет. Живет в Москве (Россия). "Родился в семье военнослужащего в Москве, поменял 10 школ, кочуя с семьёй по дальним (и не очень) гарнизонам военных авиационных заводов...

Окончил ВГИК и работал 20 лет (до перестройки) на студии неигрового кино директором съёмочных групп. После окончания ВГИК-а служил в зенитно-ракетных войсках под Севастополем, а по завершению службы вернулся на студию. Офицер

запаса. В начале перестройки окончил курсы при Минфине РФ и получил сертификат специалиста по ценным бумагам. Ныне торгую ценными бумагами на фондовой бирже В 80-х прошлого века посещал семинары К. Ковальджи, проводимые художественно-литературной студией при СП СССР.

Автор поэтических сборников "ВЕНОК СОНЕТОВ", "СКОМОРОХ БОЖИЙ", 'НУ, ВОТ И ВСЁ...', публикации в газетах, журналах, альманахах и коллективных сборниках. Серебряный лауреат литературной национальной премии "Золотое перо Руси", призёр многих литературных конкурсов, проводимых в сети российскими и международными организациями с независимым профессиональным жюри, член Международного сообщества писательских союзов, член МГО СП России, награждён МГО СП России медалью "За верное служение отечественной литературе".

* * *

Я спешу по утрам к метро-по-литену,
забиваюсь с другими людьми в автобус.
Ускоренье придаст нам крутящийся глобус.
За окном замелькают дорожные сцены,
я хочу осознать алгоритмы замены,
торможу, скрежеща, ибо сам себе тормоз.

Кадры жизни пойдут, как при съёмке рапидом,
и предметы рассыплются вмиг на части.
Вряд ли важно, какой они стали масти,
вычленять не хочу я подвиды и виды...
Только вижу арену кровавой корриды,
где все судьбы в руках анонимной власти.

Я спускаюсь в метро, подхожу к вагону.
Вспышка бьёт по глазам отражением ада.
И уже ничего, ничего нам не надо.
Сверху смотрит на нас, сострадаая, Мадонна:
видя наши тела, слыша вскрики и стоны,
в пропасть рушится с нами небосвода громада.

Жизнь абсурд - по Камю нас учили и Сартру.
Меня нет - я разъят на молекул цепочки,
а в ответ разбежится по траурным строчкам
весь мой мир: от цветущих фиалок Монмартра
до заношенной шапки из убитой ондатры,
продолжая свой бег в этом круге порочном,

пищевые цепочки пополняя собою.
Ну, а правда сатрапа и ложь правдолюбца

проливными дождями нам на головы льются...
Мы гордимся планетой своей голубой,
и, бродя по трущобам звериной тропой,
громко воем, завидев абрис лунного блюда.

Памяти Друга

Пуля прошла навылет, пронзила незлобное сердце,
а человек был в мыле, он не успел одеться,
не проявил сноровку, свалив в неземные сферы.
Здесь не помогут уловки - только любовь и вера.
Остались его тетрадки, остались дела, делишки...
Помнится, он украдкой любил поиграть в картишки.
Любил пропустить рюмашку не самых слабых напитков,
бражничая в компашке пьяниц и "недобитков".
Завистники ходят в паре, сбиваются в кодлы, своры:
в каждой паре по твари, сеющей злобу, раздоры.
Зависть творца беззлобна - гонит на стадионы.
Бьётся он костью лобной, догмы круша, каноны.
За письменный стол садится, бежит на концерты, в театры...
Зависть творца, как птица, парящая над Монмартром.
Завистников чёрная злоба на помощь зовёт вертухаев,
трясётся их вся утроба, творцов перманентно хая...

Пуля прошла навылет и унесла человека...
Строчки от боли взвыли... Завистникам на потеху.

Последняя линия защиты

Последняя линия нашей защиты.
Когда всё вокруг разъедается смехом
бесстыдным, сметающим смысла помеху,
когда все пути к отступленью закрыты,
когда все примеры из жизни забыты,
и отдана вера толпе на потеху.

А стыд отмечается властной рукою -
«матёрым желудочным бытом». И в касках
ко мне подползают кликушами маски:
«Страна никогда вмиг не станет другою,
не строй из себя, отщепенец, героя», -
сладка им, видать, узурпатора ласка.

Ошуюю сядут, а кто - одесную,
гоня порожняк на всех тех, кто не с ними.
Прикажут солгать - опорочат имя,

а если прикажут убить - обоснуют.
И так проживут, веселясь и беснуясь,
и вряд ли когда-нибудь станут другими.

О, где ж ты – последний редут свободы?
Когда «оранжевую заразу»
гнобят по очереди, а то все сразу:
«Наймиты госдепа, враги народа!» -
и средь гонителей есть порода
людей, не подведших меня ни разу.

Людей вполне благородных с виду,
но инфернальная святость власти
прошла безупречно в умах их кастинг:
«Метафизические кариатиды
спасают страну от кровавой корриды,
спасут от оранжевой даже напасти ».

И главное – это, конечно, стабильность.
И благодарность за сущую малость:
за помощь, услугу, чтоб им не икалось
взамен на возвышенную сервильность.
Давайте посмотрим на это умильно
без возмущения и накала.

Последней преградой духовному СПИДу...
А стыд подступает уже удушьем.
чахоточной плесенью лезет в душу.
Как будто божественные кариатиды
своей рокировкой, отнюдь не бесстыдной,
нас окружили под струями душа.

Последняя линия нашей защиты –
бесстыдному смеху ответим смехом.
В рамке стыда он становится вехой
в нашей истории гневом прошитой,
потом и кровью обильно политой
стыдящийся смех занесут в картотеку.

Кто-то назвал протестантов полоски
белого цвета Кондоном Свободы.
СПИДу Духовному – баловню моды
символ абсурдный покажется плоским.
Нам же защита без лишнего лоска
видится истинным гласом народа.

Пора закругляться, закончив брифинг,
где каждый свои обнаружит мотивы.
Считаю, что нету надёжней ксивы...
Ну, разве что есть пресловутый петтинг...
И я понимаюсь, и иду на митинг,
прицепив на лацканы контрацептивы.

[Страница автора в Сети.](#)